

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

А.-М.М. Дударов

ИНГУШСКОЕ ОБЩЕСТВО В ЭПОХУ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ: НАИБЫ ШАМИЛЯ ИЗ ЧИСЛА ИНГУШЕЙ

В период Кавказской войны Ингушетия условно была разделена на две искусственно противопоставленные царской администрацией части — прокавказской и пророссийской ориентации. В этой разделенности ведущую роль играла религиозная составляющая. В течение всего периода войны в Ингушетии периодически вспыхивали восстания против царского произвола, которые жестоко подавлялись. Руководителями восстания были как ингуши, так и представители других национальностей из числа духовных лиц, проповедовавших мусульманство. В 1825 г. было поднято восстание в с. Яндаре под предводительством Джамбулата Цечоева. Выступление было подавлено, а его предводитель был убит по приказу генерала А.П. Ермолова [История 2013: 260]. В том же году были совершены карательные экспедиции в аулы, расположенные по рекам Асса и Фортанга [Там же].

В 1830 г. под командованием князя Абхазова, а в 1832 г. под командованием барона Г.В. Розена были совершены подряд две военные экспедиции в горную Ингушетию, во время которых было уничтожено множество горных аулов [История 2013: 260–261]. В 1833 г. вспыхнуло еще одно восстание в с. Яндаре под руководством Джанхота Азаматова, которое также было вскоре подавлено [Там же: 261]. Выступления ингушей стали следствием в том числе и событий, происходивших на Северо-Восточном Кавказе. Вместе с тем назрановские ингуши (нясархой), ориентированные

в основном на российскую власть, участвовали с царскими властями в 1832 г. в отражении нападения войск Гази-Мухаммеда на Назрановскую крепость [Там же: 234].

После перехода руководства Имамата в руки Шамиля (1797–1871) на территории Ингушетии им были созданы наибства *Ингуш*, *Галгай* и *Галат*, которые, как считает М.С.-Г. Албогачиева, «остались для ингушей периферийными и существовали недолго» [Албогачиева 2014: 317]. Шамиль в разные периоды своего правления сумел привлечь на свою сторону ингушей из аулов, располагавшихся на территории современных Ачхой-Мартановского и Урус-Мартановского районов Чечни, аккинского, орстхойского, цоринского обществ, Галашек с близлежащими аулами. В основном это были соседствовавшие с Имаматом территории Ингушетии. Сюда необходимо добавить правившую часть Тагаурии в лице Дударовых. О мусульманской составляющей большей части ингушей-карабулаков в 1832 г. писал И. Бларамберг (1803–1878) [Бларамберг 2010: 218–219, 222].

Б.К. Далгат отмечает, что с начала 1830 г. христианская проповедь в Ингушетии «окончательно прекратилась, и с этих пор мусульманство и влияние шариата берут перевес в жизни ингушей над прочими влияниями» [Далгат 2008: 54]. Многие ингуши-мусульмане из-за царского произвола и насильной христианизации мигрировали в Чечню и Дагестан. Здесь их называли «ингушаму-мухаджирами» (от араб. муhājir — «переселенец») [Дадаев 2009: 242]. Некоторые из них дослуживались до самых высоких должностей в государстве Шамиля.

Есть данные о том, что и позднее, в 1834 г., как заявляли сами «потерпевшие» в Назрани, «по принуждению священников, назрановских мухаммеданских старшин и сотника Гайтова» было окрещено более 300 человек [АКАК: 704]. Насильственная христианизация ингушского населения стала причиной окончательного поворота народных масс в сторону мусульманства. Все более ужесточавшиеся порядки самодержавия на покоренных землях кавказских народов, а также чувство разделенности этноса на конфессиональной основе также способствовали признанию ингушским народом впоследствии ислама своей единственной религией.

О несправедливости и жестокости русских властей, видевших свою близкую окончательную победу над горцами, не только по отношению к воюющим Дагестану и Чечне, но и к относительно нейтральной Ингушетии, можно судить по сообщению генерала Г.Д. Орбелиани: «По требованию военных обстоятельств из земель, указанных туземцам, мы нередко отнимали часть под казачьи поселения или укрепления, и раз поселенных на новых местах по требованию этих обстоятельств снова переселяли и иногда по нескольку раз с места на место, но при этом новом поселении земли указывали туземцам только в примерном количестве и для временного пользования <...> Этой недостаточной обеспеченностью прав на землю следует объяснить ту быстроту и легкость, с которой целые аулы, а иногда и целые общества (!) бросали указанные им земли и убегали в горы, чтобы усилить число враждовавших с нами» [РГВИА. Ф. 38. Оп. 1. Св. 869. Д. 4. Л. 34].

Религиозная разобщенность ингушского общества нередко приводила к конфликтам внутри народа. Так, из рапорта полковника Широкого барону Г.В. Розену мы узнаем, что 30 апреля 1836 г. в Назрань даже были введены войска для усмирения конфликтующих сторон. Виновные в беспорядках были арестованы и наказаны царской властью [АКАК: 710; РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 292. Л. 4].

Вместе с тем основная часть ингушей-назрановцев (инг. *ня-сархой*) относилась лояльно к царской власти. В некоторых случаях ингушские старшины-«магометане» сами становились сторонниками массового принятия христианства ингушами.

Назрановцы несколько раз отбивали нападения как самого Шамиля, так и его военачальников: в 1841 г. было нанесено поражение войскам Шамиля в трехдневной битве при нападении на Назрань, а в 1846 г. потерпел поражение от ингушей у горного селения Цори и крупный отряд Шамиля под командованием Нур-Али муллы [История 2013: 261]. По полевым сведениям автора, со стороны Чечни через ингушские горные аулы Цори, Мохал, Гул в сторону Грузии (до Хевсуретии) Шамилем была проложена стратегическая дорога с целью соединения с Турцией. Некоторое

время руководителем строительства дороги был Бурсак Бузуртанов-Мохлой из Верхнехулийского замка Дударовых, который в одно время был наибом Шамиля [ПМА; Дадаев 2009: 147].

Сложная обстановка в Ингушетии и разделенность народа на два лагеря — пророссийский и антироссийский (прокавказский) — диктовала народу необходимость в выборе как одной из противоборствующих сторон, так и единой религии. Выбор мусульманской религии ингушским народом был предопределен и в силу того обстоятельства, что его соседи, с которыми издревле поддерживались близкие отношения, уже исповедовали ислам. Так, среди ингушей находилось немало количество мулл — представителей соседних народов. Один из них — Башир Аширов, кумык по национальности, один из руководителей восстания, известного в истории как «Назрановское возмущение», он обучал «арабской грамоте ингушских детей, основам ислама в селениях, лежащих вблизи крепости Назрань», был казнен царским военным командованием после поражения восстания [История 2013: 261]. Еще один участник восстания, мулла Урусби Мугаев, вероятнее всего, являвшийся «представителем одной из дагестанских народностей», был также казнен [Там же: 238].

Трагичность описываемой ситуации придавала сложившаяся разделенность ингушского общества на два лагеря: как на территории Имамата, так и в структурах царской администрации несли службу представители ингушского народа, иногда состоявшие в родстве по тейповому (родовому) или другим признакам.

Но ни попытки российского правительства с помощью Грузинской церкви распространить православие среди ингушей в XVIII в., ни жестокость царских властей в начале — первой половине XIX в., желавших приостановить победное шествие ислама в ингушских обществах, не принесли желаемых результатов. Ингушетия упорно шла к внутренней и общекавказской консолидации через ислам. Более того, это стало впоследствии одной из главных причин распространения ислама в соседней Осетии в XIX в.

В последние годы в Дагестане развернулась плодотворная работа по выявлению арабографических источников (официаль-

ных документов, писем, посланий, приказов, наставлений, книг и т.д.) Имамата, в которых попадаются материалы, освещающие разные стороны жизни не только народов, входивших полностью в состав Имамата, но и ингушского народа. К таковым относятся сведения о приближенных Шамиля — мусульманских ученых, мудирах и наibaх ингушской национальности.

Шамиль делал мудирами и наibaми мусульманских ученых. В силу этого их необходимо рассматривать больше как духовных лиц Имамата, нежели как чиновников. «Особым вниманием и симпатией Шамиля пользовались молодые ученые, образованные люди из самых разных уголков Имамата, при назначении наibaов Шамиль отдавал им предпочтение, даже несмотря на отсутствие у них опыта военного руководства <...> Он их везде находил, смело выдвигал, строго воспитывал, поддерживал во всем, оберегал и очень любил. Свое доброе отеческое отношение к таким наibaам он не скрывал, наоборот, при каждом случае подчеркивал и писал об этом в письмах» [Дадаев 2009: 97].

Одним из первых алимов-ингушей следует назвать крупного мусульманского ученого, муфтия Ичкерии в шамилевский период, служившего в другое время наibaом Шамиля в Ауховском обществе, **Мухаммада из Ингушетии** (Мухьаммад Г1алг1ай). Из скудного материала Ю.У. Дадаева мы узнаем, что «Мухаммад был известным ученым, богословом и предводителем ингушей — мухаджиров, обосновавшихся в горных районах Чечни» и что «он был известен в Имамате своей храбростью и мужеством, уговаривал ингушей переселиться с равнины, где они находились под присмотром царских войск, в горную Чечню, в Имамат. Одно время он был муфтием Ичкерии, недолго — наibaом Ауховского общества» [Дадаев 2009: 242]. Вероятно, причиной переселения ингушей в горную Чечню под началом мусульманского ученого Мухаммада была та несправедливость, о которой писал князь Г.Д. Орбелиани.

Из представленного сообщения становится очевидным факт миграции в первой половине XIX в. определенной части ингушей в сторону Чечни. Не исключено, что некоторые из них оседали и в Ауховском обществе, среди единоплеменников. Вероятно,

в сторону имамата мигрировало немало ингушей, если представитель переселенцев был назначен на один из самых сложных и ответственных постов в иерархии шариатского государства — муфтием Ичкерии. Отметим, что служба муфтия Мухаммада в имамате совпадает с периодом деятельности таких выдающихся личностей в руководстве государства, как Джамалуддина Казикумухского, Ташу-Хаджи, Абдурахман-Хаджи Согратлинского, Юнуса Чиркейского, Аслан-кади Цудахарского и других, имевших колоссальное влияние как на самого Шамиля, так и на все управление в стране.

Из сообщения нам неизвестны точные периоды работы Мухаммада из Ингушетии в должности муфтия, как и время исполнения им обязанности наиба в Ауховском обществе. На наш взгляд, вполне понятно определение Шамилем места второй службы Мухаммада — наибство Ауховского общества, учитывая факт этногенетического родства ингушей с аккинцами. К сожалению, принадлежность муфтия Мухаммада к какому-либо ингушскому роду и обществу неизвестна. Здесь налицо два факта: во-первых, миграция на восток ингушей проходила под началом представителя ингушского духовенства и, во-вторых, не только распространение, но и исламское образование Мухаммад получил до своего переселения в Имамат, т.е. в Ингушетию. Таким образом, мы можем предположить, что в первой половине XIX в. на территории Ингушетии вместе с распространением ислама можно было получить и религиозное образование.

Другой наиб в Имамате — ингуш **Бурсак**. Это выходец из Верхнехулинского замка Дударовых, о котором Ю.У. Дадаев пишет: «Бурсак был выходцем из ингушского села Хули» и «наибом Шамиля» [Дадаев 2009: 147]. В народной памяти сохранились сведения о нем. Так, информант Бузуртанов Хаджимурад Жабраилович, праправнук Бурсака, сообщил следующие сведения: «Однажды Бурсак по дороге встретил всадника. По виду и по вооружению он признал в нем убийцу своего дяди по матери (она была родом из Евлоевых). Предупредив кровника, Бурсак стал драться с ним. Вскоре у них сломались сабли, и они, устав, разошлись: Бурсак ушел в Мохал, а убийца дяди — в Цори. Дома, перевязав

свои раны, Бурсак пошел в Цори. Кровник сидел, закрыв двери одной из башен. Увидев у подножья Бурсака, он свалил угол башни на него, но Бурсак ловко увернулся и остался невредим. Поднявшись в башню, Бурсак в упорной схватке убил своего противника. За это Евлоевы дали в награду своему племяннику Бурсаку участок земли рядом со своим замком Ний» [ПМА].

По сообщениям информантов, Бурсак жил в Мохале в верхнехулийском замке Дударовых, отчего он слыл в имамате «Бурсаком из Хули».

Отец Бурсака — Баишк Бузуртанов — был известным народным героем, целителем. В народе он до сих пор известен как святой человек, помогавший выжить ингушам во время мора. Впоследствии сын Бурсака — Бунхо — также стал народным целителем, мастерство которого позволяло ему проводить трепанацию черепа [ПМА]. Потомки Баишка, Бурсака, Бунхо переселились позднее в район Ангушт. Их потомки проживали в районе Бартбосе общества Ангушт, в местечке Мохлой-Юрт, вплоть до 1859 г., когда царская администрация изгнала оттуда ингушей и превратила Ангушт в станицу Тарскую.

Во время работы над статьей стали известны и другие факты из жизни Бурсака. Так, «дорога, идущая со стороны Чечни и проходящая через Цори, Мохал, Гул и дальше через Хевсуретию в Грузию, была специально проложена во время Шамиля для соединения с Турцией. Руководил этими работами Бурсак. Это был очень сильный и энергичный человек. Однажды Шамиль ударил своей плетью его коня. Это была недопустимая оплошность со стороны имама. Бурсак сказал Шамилю, что он, имея подобный сан, зря ударил его коня и что сделал он это надменно и из гордыни, которые не к лицу имаму. Устыдившись его слов, Шамиль признался принародно в этом и сказал, что Бурсак прав. Умер Бурсак по дороге в Мекку» [ПМА].

В арабграфических документах периода имамата фигурирует еще один игушский наиб Шамиля в Галашках — Дударов [Дадаев 2009: 178]. В известных на сегодня документах он проходит без имени, только под фамилией. Есть разные предположения насчет его имени. Одни называют его Казимагомедом Дударовым, сыном основателя селения Инал-Юрт (ныне Хумалаг в Северной

Осетию) Инала Дударова, который перешел на сторону Шамиля из-за поселения в его родном ауле осетин-христиан [Дадаев 2009: 178]. Это известная личность, он является братом царского генерала Магомета Дударова (инг. Инала Махьмад), жившего в с. Джейрах и похороненного там же. По рассказу информанта, Магомет Дударов после возвращения из места службы также узнал о передаче осетинам-христианам царской властью основного его отцом Иналом селения Иналово. Он вместо этих земель попросил у Ахпачахь (наместника царя на Кавказе, досл. «царь наполовину») равнозначного надела земли. Просьба его была удовлетворена, и Магомету Дударову был выделен участок в другом месте в размере около тысячи десятин [ПМА].

Но вполне возможно, что наибом в Галашках был и вышеназванный Бурсак Дударов, тем более что место службы Бурсака наибом исследователями еще не выявлено.

Четвертая личность из ингушских наибов Шамиля — кистинец **Асирко-Мухамад оглы (Кистинский наиб Шамиля)**. Если вышеприведенные наибы у Ю.У. Дадаева приводятся отдельно, то Асирко-Мухамад указан лишь в общем перечне наибов Имамата [Дадаев 2009: 96], что связано с недостатком информации о его жизни и службе у Шамиля.

Таким образом, можно констатировать неоднозначное отношение ингушей к событиям периода Кавказской войны. Реальность во многом существенно разнится с устоявшимися официальными утверждениями о принадлежности ингушей к народно-освободительному движению кавказских народов против колонизации Кавказа Россией. Мы видим в перечне руководства Имамата четырех государственных деятелей из ингушей-наибов Шамиля, один из которых являлся в одно время и муфтием Ичкерии.

Надо сказать, что в государстве, где все управление основывалось на шариате, должность муфтия была ключевой и, соответственно, наиболее значимой. И это было огромным доверием со стороны Шамиля и его руководства по отношению к представителю ингушского народа.

В представленной работе на основе новых фактов сделана попытка показать сложную обстановку как внутри самой Ингуше-

тии, так и вокруг нее в XIX столетии, неоднозначное отношение ингушского народа к Кавказской войне. Впервые на основании новых исследований дагестанских ученых, подтвержденных государственными документами Имамата Шамиля, в научный оборот вводится термин *мухаджиры* (переселенцы) по отношению к ингушам-мусульманам, мигрировавшим целыми группами из районов Центрального Кавказа в сторону северо-восточной его части в период Кавказской войны. Из числа сторонников-ингушей нового государства Шамиля вырастали государственные деятели, имевшие в государственно-религиозной иерархии Имамата самые высокие должности в духовных, административных и военных сферах.

Разделенность ингушского общества на два лагеря — сторонников Шамиля и сторонников царской власти — диктовала необходимость определиться в принятии одной религии для всего народа. Причиной объединения всего ингушского народа на основе ислама и его единения с братским чеченским народом стало учение **Шейха Кунта-Хаджи Кишиева** (полное имя которого в мусульманской религиозной литературе — **аш-Шайх ал-Фадил Кунта-Хаджи ал-Мичигаши ал-Иласхани** [Шихалев 2012: 524–525]). «Политика царизма и его наместников... создала невыносимые условия для жизни <...> Необходимо было найти какой-то выход. И таким выходом стало духовное учение... Шейха Кунта-Хаджи» [Албогачиев 2012: 65]. Появление именно в это время в среде нахских народов Шейха Кунта явилось, бесспорно, объединяющим фактором на основе ислама для всего ингушского народа. Он возник «на арене политических событий» в сложный для ингушского общества период и обратил в ислам именно ту часть ингушей, которая находилась «в некоем замешательстве относительно своих религиозных убеждений» [Албогачиева 2011: 139].

Роль Шейха Кунта-Хаджи Кишиева неопределима в деле объединения ингушского народа под крылом одной веры — ислама. Эта выдающаяся личность сыграла решающую роль в принятии мусульманства назрановцами (нясархой), которые были основной опорой царизма на Центральном Кавказе на протяжении всей Кавказской войны, а также ингушами из других обществ. Оба

нахских народа — чеченцы и ингуши — получили единую религию. Вне проповедей Кунта-Хаджи и его последователей, вне мусульманской религии остались только родственные этим народам бацбийцы, проживающие на территории современной Грузии, которые в силу этого и других обстоятельств (невозможность обучаться на родном языке, отсутствие алфавита, оторванность от основной части нахского этноса и т.д.) в последнее время начали себя позиционировать грузинами.

Источник

Полевые материалы автора:

информант Бузурганов Хаджимурад Джабраилович, 1959 г.р. Проживает в с. Али-Юрт, РИ;

информант Дударов Мурат Магометович, 1926 г.р. Проживает в с. Бейни, РИ.

Библиография

История Ингушетии. Ростов н/Д., 2013.

Албогачиев Р.-Х.Ш. Шейх кунта-Хаджи. Его жизнь и духовная деятельность // Шейх, устاز, овлия Кунта-Хаджи Кишиев. Нальчик, 2012.

Албогачиева М.С.-Г. Ислам // Ингуши. М., 2014.

Албогачиева М.С.-Г. Этнография и история ингушского народа в письменных источниках конца XVIII — первой трети XX в. СПб., 2011.

Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М., 2010.

Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. М., 2008.

Дадаев Ю.У. Наибы и мудиры Шамиля. Махачкала, 2009.

Шихалиев Ш.Ш. Арабографические сочинения Кунта-Хаджи Кишиева в Дагестане // Шейх, устاز, овлия Кунта-Хаджи Кишиев. Нальчик, 2012.